

Норильские приключения Юлия Кима

Культура. - 1997. -
22 мая. - С. 12.

ПРОВИНЦИЯ

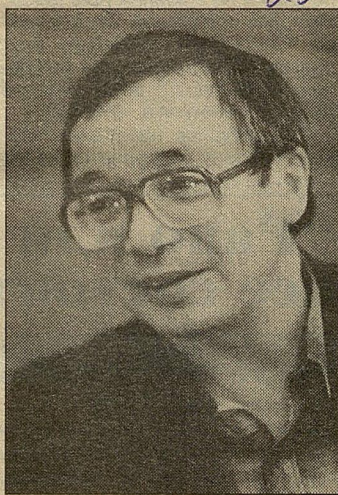
Лишь в течение одного вечера на сцене МХАТа им. Чехова можно было увидеть спектакль "Как Иван Чонкин самолет сторожил" по пьесе Юлия Кима, поэтически переработавшего знаменитую книгу Владимира Войновича, в постановке Норильского Заполярного драматического театра. Известно, что это первое и пока единственное воплощение кимовского "Чонкина" на театральных подмостках.

- Юлий Черсанович, почему для дебютной пьесы вы избрали именно северный Норильск?

— Норильск возник в моей судьбе давно, поскольку там среди почетных граждан, почти "отцов-основателей" числится мой двоюродный и горячо любимый дядя Владимир Николаевич Всесвятский. Там же с помощью Владимира Николаевича оказался и другой мой дядя — Николай Николаевич Всесвятский. А в результате целая династия моей родни по материнской линии разделила судьбу первого поколения жителей этого города. Кто — по собственному почину, кто, скажем так, невольно. В Норильске же окончательно укоренилась моя троюродная сестра (из тех, что бывают ближе родных!) Ленка, которая звучит сейчас как Елена Викторовна Калякинская — директор самого крупного совхоза в Заполярье. Вот с ее-то помощью я и оказался в городе вечной мерзлоты первый раз в жизни. Это было в 1986 году, и о театре я знал лишь косвенно от моего друга — композитора Романа Гринблата, который успел к тому времени написать музыку к спектаклю "Баня" в постановке тогдашнего главного режиссера А.Белявского. Мои же собственные первые контакты с Норильском завязались только в 1994 году в связи с большим бардовским фестивалем, на который приехала огромная московская команда с гитарами и я вместе с ней. Среди публики оказался главный режиссер театра Александр Зыков, с которым мы и возобновили знакомство...

— Возобновили?

— Да. Потому что первый раз мы с ним встретились аж в 1969 году в Калининском тюзге, где Роман Виктюк, будучи очередным режиссером, ставил пьесу "Одной любовью меньше". Я дебютировал в спектакле серией песен о школьной жизни, а молодой Саша Зыков принимал во всем этом участие в качестве актера. И вот в середине девяностых у нас с

ним снова возник "производственный роман". Вдур выяснилось, что Александр Маркович довольно внимательно следит за моей драматургией и даже давно мечтает поставить "Сказки Арденского леса" (музыкальную вещь, которую я в свое время сочинил вместе с композитором Николаевым, режиссером Фоменко и драматургом Шекспиром). Вместо "Сказки" я предложил Зыкову наш с Владимиром Дашкевичем мюзикл про Ивана Чонкина по известной книжке Войновича. Он согласился. А я обрадовался и... испугался. Обрадовался, что театр взялся за эту работу (уровень артистов Норильского Заполярного я имел возможность оценить в "капустниках", которые они показывали на бардовском фестивале, покоря зрителя высоким мастерством, юмором и артистизмом). А испугался, потому что Зыков не имел до этого спектакля ни малейшего опыта в постановке мюзиклов... Не успели сыграть премьеру, как "Чонкин" отправился на фестиваль "Театральная весна" в Красноярск и забрал там больше половины всех наград. Это, конечно, меня очень заинтериговало.

— Не пожалели, что отпустили своего "Чонкина" так далеко — за 69-ю параллель?

— Конечно! Должен сказать, что я смеялся от начала до конца, а в конце даже немножко и сквозь слезы, как, впрочем, и было задумано. Потому что история о том, "Как Иван Чонкин самолет сторожил" — это веселая песня о России, но... о России только весело никак нельзя. Необходимая доля печали и пронзительного сочувствия насыщает этот спектакль, поставленный с соблюдением всех лучших театральных традиций. Здесь и эстрадность, и площадная, нарочито грубоватая стилистика, которой славилась Таганка, и русский балаган, скomorошество — в полной мере все

использовано. Здесь — режиссерский талант Александра Зыкова, мастерство питерского сценографа Михаила Мокрова и удивительный дар композитора Леонида Иновлоцкого, творчески обработавшего музыку Дашкевича.

— А как насчет актеров провинциального театра?

— В нашем обиходе слово "провинция" носит уничижительный характер. А ведь это просто город в России, не близкий к городу Москве. Слово "лицедей" звучно "лицемеру", а на самом деле — это просто архаика, "высокий штиль". Об актерах Норильского театра тоже хочется говорить "высоким штилем". Быть может, запоянность Норильска и тяжелые таймырские условия понуждают этих людей отдаваться своему делу особенно горячо, но актеры здесь действительно прекрасные. Они замечательно ухватили жанр балагана с его переходами от пьяноватого русского надрыва, кабацкого юмора и кабацкой слезы к раскованному, беспечному частушечному веселью и неожиданной лиричности. В "Чонкине" актерских работ много, и все они, по-моему, хороши. Невероятно органичен Сергей Ребрый — Чонкин. Отличный получился дуэт у А.Ксеноюка (Гитлер) и В.Оники (Сталин). Удивительно точен Василий Решетников в роли Гладышева. Гладышев — персонаж особенный: здесь и тип завистника, и тип, я бы сказал, "достоевской" гнусности. Суперагент Курт — герой, которого нет у Войновича, мною придуман. Курт — единственная роль в "Балагане", которая написана в развитии, и артист Лаврентий Сорокин очень тонко и точно ее исполняет. Вообще и артисты, и спектакли в этом театре яркие, интересные. Кроме "Чонкина", я посмотрел там еще несколько постановок, в том числе горинскую "Чуму на оба ваши дома" и... тут же отдал норильчанам еще две свои пьесы — сказку "Орех Кракатук" (этакая русская версия "Щелкунчика", скрещенная с "Крысоловом") и мюзикл по фонвизинскому "Недорослю". "Орех Кракатук" Зыков уже поставил.

— Давайте-ка подчитаем: "Чонкин", "Орех Кракатук", "Недоросль"... если еще воплотится мечта Зыкова о "Сказках Арденского леса", то норильчане могут привезти эти спектакли в Москву как целый "Театр Юлия Кима"!

— Пока что они привезли только "Чонкина". Но если и дальше так пойдет, то я точно стану почетным гражданином Норильска. Как дядя.

Беседу вел
Владимир ОРЕНОВ